

Д. Н. Сергеев

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО КОНТРОЛЯ

МОНОГРАФИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ
И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО
КОНТРОЛЯ

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ФОРМЫ И ВИДЫ
ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО КОНТРОЛЯ

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
МЕР ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО КОНТРОЛЯ

Д. Н. Сергеев
Социальные и
правовые аспекты
постпенитенциарного контроля

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69437839

*Социальные и правовые аспекты постпенитенциарного контроля,
Монография / Д.Н. Сергеев: Проспект; Москва; 2017
ISBN 9785392274840*

Аннотация

В монографии раскрывается система мер постпенитенциарного контроля, сложившаяся в законодательстве Российской Федерации и зарубежных государств. Обосновывается концептуальная основа и эволюция контроля на постпенитенциарной стадии во взаимосвязи с социальным контролем в целом. Исследуются правовая природа мер постпенитенциарного контроля, его социально-правовые компоненты, а также типология.

Законодательство приведено по состоянию на сентябрь 2017 г.

Монография будет полезна студентам, аспирантам и преподавателям юридических вузов, ученым и практикующим юристам.

Содержание

Введение	6
Глава 1	14
§ 1. Понятие, социально-правовые предпосылки и обусловленность постпенитенциарного контроля	14
§ 2. История развития института постпенитенциарного контроля в российском праве	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Д.Н. Сергеев
Социальные и
правовые аспекты
постпенитенциарного
контроля. Монография

Автор:

Сергеев Д. Н., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет».

ebooks@prospekt.org

© Сергеев Д. Н., 2017

© ООО «ПРОСПЕКТ», 2017

Введение

Несмотря на появление в мировой юридической практике новых идей и реформаторских инициатив в решении проблемы эффективности уголовно-правового регулятора, в качестве ключевого наказания во всех развитых уголовно-правовых системах по-прежнему активно применяется лишение свободы. Опыт внедрения альтернативных наказаний, не связанных с изоляцией, на которые возлагались серьезные надежды, продемонстрировал, что общество пока не готово отказаться от традиционных наказаний, которые в значительной степени не достигают поставленных перед ними целей. Одновременно с этим проводимая в России политика разгрузки исправительных учреждений привела к концентрации в местах лишения свободы осужденных, отбывающих наказание три и более раз. Доля таких лиц за последние десять лет выросла практически на две трети. Одним из возможных путей развития системы мер уголовной ответственности в этих условиях стало расширение сферы применения постпенитенциарного контроля и других мер уголовно-правового характера, задача которых мыслится в дополнении, а иногда и в полном замещении ими традиционных наказаний. Тенденция усиления контрольной составляющей в уголовной ответственности в последние годы нашла отражение в российском законодательстве. Так, в конце 2009 г.

в Уголовный кодекс Российской Федерации было возвращено обновленное ограничение свободы, основным содержанием которого стал контроль без изоляции от общества. Начата реформа традиционного для российского права условно-досрочного освобождения, завершением которой может стать создание криминологически обоснованной меры контроля, не вступающей в противоречие с другими правовыми институтами. В 2011 г. вновь введен административный надзор за освободившимися из мест лишения свободы. Одновременно предпринимаются попытки корректировки системы социальной адаптации лиц, ранее отбывавших лишение свободы. Отсутствие универсального подхода-программы ко всем проявлениям контроля на постпенитенциарной стадии, обусловленное некоторой интуитивностью действий российского законодателя при конструировании правового регулирования данных мер, привело к возникновению существенных противоречий как внутри их системы, так и во взаимодействии с другими мерами уголовной ответственности. Меры постпенитенциарного контроля при фактически сложившейся их автономности друг от друга мыслятся единым комплексом контрольных мер, объединенных как по правовой природе, так и по содержанию, субъектам, стадии применения и многим другим факторам. В этой связи вопросы определения правовой природы, атрибутирования, систематизации и типологии мер постпенитенциарного контроля представляют большой научный и практический интерес. Обоб-

ценное рассмотрение мер постпенитенциарного контроля не только обнажает отдельные проблемы в правовом регулировании и практике их применения, но и позволяет выполнить теоретический анализ оснований назначения мер, их содержания и внутренней структуры.

Аналитические материалы и многолетние данные зарубежной практики постпенитенциарного контроля до настоящего времени недостаточно активно введены в российский научный оборот. Их исследование, сравнение с отечественным опытом могут быть полезными для переосмысления отдельных положений законодательства России, поиска принципиально новых подходов к решению вопросов контроля за освободившимися из мест лишения свободы как в сугубо технико-юридическом, так и в методологическом смыслах.

Несмотря на сравнительную новизну самого понятия «постпенитенциарный контроль» разработка связанной с ним проблематики началась еще дореволюционными учеными: С. К. Гогелем, В. В. Есиповым, А. А. Жижиленко, С. В. Познышевым, Н. Д. Сергеевским, Н. С. Таганцевым, Н. С. Тимашевым, И. Я. Фойницким, М. П. Чубинским и другими. Исследование контроля на постпенитенциарной стадии было продолжено советскими и российскими правоведами, среди которых нельзя не назвать А. И. Абатурова, В. А. Авдеева, Ю. М. Антоняна, Ю. В. Баранова, С. А. Ветошкина, В. И. Горобцова, А. Я. Гришко, В. В. Городнянскую, А. П. Деткова, В. А. Елеонского, А. Э. Жалинского, Э. В. Жидко-

ва, И. Э. Звечаровского, К. Е. Игошева, Ш. Х. Иногамова, Л. В. Иногамову-Хегай, К. Н. Карпова, И. Я. Козаченко, В. П. Малкова, А. И. Марцева, И. С. Ноя, Т. В. Понятовскую, А. Л. Ременсона, М. С. Рыбака, Р. А. Сабитова, В. И. Селиверстова, Н. К. Семерневу, Н. А. Стручкова, А. И. Тарбагаева, П. В. Тепляшина, Ю. М. Ткачевского, Е. А. Тохову, В. А. Уткина, П. А. Фёфелова, О. В. Филимонова, В. М. Хомича, Г. Ф. Хохрякова, Л. В. Чуприну, М. Д. Шаргородского, И. В. Шмарова, Н. В. Щедрина, В. Е. Южанина, А. М. Яковлева и многих других.

Неоценимый вклад в разработку современной теории постпенитенциарного контроля внесла работа О. В. Филимонова «Посткриминальный контроль (теоретические вопросы правового регулирования)» (1991). Хотя со времени выхода монографии в свет коренным образом изменилось правовое регулирование в данной сфере, теоретические выводы О. В. Филимонова не теряют своей актуальности. Р. А. Сабитов впервые рассмотрел вопросы учения о посткриминальном поведении в книге «Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия)» (1985). И. Э. Звечаровский в монографии «Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование» (1993) обобщил возможности правового стимулирования позитивного поведения лица после совершения преступления, в том числе и на стадии после отбывания наказания («постпенитенциарное стимулирование»). В. И. Горобцовым в работе «Теорети-

ческие проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия» (1995) представлена научная основа для объединения отдельных мер, реализуемых после освобождения от отбывания лишения свободы, в систему мер постпенитенциарного воздействия. Мерам безопасности и их систематизации посвящена монография Н. В. Щедрина «Введение в правовую теорию мер безопасности» (2000). Ю. В. Баранов рассматривает некоторые меры постпенитенциарного характера в рамках исследования стадии реинтеграции освобожденного к условиям жизни на свободе («Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии», 2006).

В. В. Городнянская в работе «Постпенитенциарный рецидив» (2012) приводит собственную методику исследования постпенитенциарного рецидива и мер противодействия ему. Теме исследования посвящена также монография А. И. Абатурова «Постпенитенциарный контроль» (2013), в которой обстоятельно рассмотрены вопросы правового регулирования административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, однако семантически в данной работе постпенитенциарный контроль ограничивается постпенитенциарным административным надзором. Вопросы полицейского надзора являются предметом диссертационного исследования Н. Л. Редько «Персонифицированный полицейский надзор» (2009). В диссертации С. А. Клипова «Контроль за лицами, освобожденными из исправитель-

ных учреждений» (2012) подробно анализируются два основания для назначения контроля: освобождение от наказания в связи с его полным отбытием и досрочное освобождение. В работе приводятся критерии оценки эффективности контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Е. В. Наумов в диссертации «Контроль и надзор в системе предупреждения рецидива преступлений» (2014) исследует роль контроля и надзора в предупреждении рецидива преступлений, предлагает оригинальную трактовку понятий «контроль» и «надзор», а также рассматривает организационные и управленческие аспекты контроля. В диссертационном исследовании Н. В. Темниковой «Предупреждение преступлений поднадзорных лиц» (2015) рассматривается правовая и криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в течение срока административного надзора, причины и условия, способствующие совершению преступлений поднадзорными лицами.

К числу зарубежных ученых, в сферу научных интересов которых входит исследование различных аспектов постпенитенциарного контроля, относятся М. Ансель (M. Ansel), И. Анттила (I. Anttila), О. Барнетт (O. Barnett), У. Бундесон (U. Bondeson), Р. Бринкерхофф (R. Brinkerhoff), Г. Кайзер (G. Kaiser), Э. Латесса (E. Latessa), М. Лиз (M. Lees), Р. Мартинсон (R. Martinson), К. Миллер-Перрин (C. Miller-Perrin), Г. Папп (G. Papp), Р. Перрин (R. D. Perrin), М. Приткин (M. Pritkin), Э. Соломон (A. Solomon), Ф. Тэксмэн (F. Taxman),

Р. Тьюксбери (R. Tewksbury), Д. Фэрэби (D. Farabee) и другие. Среди работ современных зарубежных авторов представляет особенный интерес работа Ф. Тэксмэн «Надзор: исследование показателей эффективности» (2002), в которой анализируется природа уголовного надзора, оцениваются результативность программ коррекции и уровень рецидива. Исследованию эффективности контроля на постпенитенциарной стадии также посвящена фундаментальная монография Д. Фэрэби «Переосмысление реабилитации: Почему мы не можем исправить наших преступников?» (2005). Необходимо отметить, что вопросы постпенитенциарного контроля в зарубежной науке рассматриваются преимущественно специалистами по пенитенциарной психологии и социологии.

Не умаляя теоретической значимости исследований сферы постпенитенциарного контроля, проведенных российскими и зарубежными авторами, нужно отметить, что в литературе понятие мер постпенитенциарного контроля, его социально-правовая обусловленность и вопросы типологии рассматривались фрагментарно и зачастую в связи с освещением иных проблем (условно-досрочное освобождение, обоснование структуры постпенитенциарного воздействия, исследование стадий ресоциализации, мер безопасности, проблем социальной адаптации осужденных). Зарубежная практика постпенитенциарного контроля широко исследовалась в трудах дореволюционных авторов, в современной литературе даются преимущественно обзоры правового ре-

гулирования данного института в странах бывшего СССР, тогда как с практической точки зрения модели построения контроля за освобожденными от отбывания наказания в европейской и американской правовых системах представляют большой интерес. Компоненты постпенитенциарного контроля, его типология, индивидуализация и дифференциация оснований и содержания контроля до настоящего времени не нашли своего отражения на страницах юридической литературы.

В завершение я благодарю всех помогавших мне российских и зарубежных друзей. Я особенно благодарю Заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора И. Я. Козаченко. При его огромной и каждодневной поддержке я получил возможность работать над темой постпенитенциарного контроля, общение с ним подпитывало исследование новыми идеями, также он с чрезвычайным терпением разъяснял все мои вопросы и помог в поиске редких источников. Я также благодарю профессора А. П. Деткова за помощь в организации сбора эмпирического материала и проведении долговременных исследований. Профессор В. И. Селиверстов и профессор Р. А. Сабитов прочитали работу и высказали о ней свои критические суждения, поддержали словом и делом. Благодарю за чтение рукописи, ценные советы и замечания профессоров З. А. Незнамову и Г. П. Новоселова, доцентов А. В. Башкова и Ю. В. Радостеву, а также редакторов текста Л. А. Савельеву и Т. С. Эйхе.

Глава 1

Социальные, исторические и сравнительно-правовые компоненты обусловленности постпенитенциарного контроля

§ 1. Понятие, социально-правовые предпосылки и обусловленность постпенитенциарного контроля

Социальный контроль сопровождает человеческое общество на всем протяжении его истории и выступает в качестве важнейшего средства управления. Само понятие «социальный контроль» было введено в научный оборот Габриэлем Тардом, отмечавшим, что социальный контроль заключается в подчинении индивида социуму для целей обеспечения общественного согласия¹. Любой акт антиобщественного поведения тесно связан с механизмом социального контроля, наличие системы социального контроля позволяет, с одной стороны, квалифицировать поведение индивида как отклоняющееся от социальной нормы, с другой – применить к

такому члену общества специфический инструментарий реакции. В этом смысле уголовная ответственность представляет собой пример наиболее развитой и институционализированной формы проявления социального контроля в современном обществе. В криминологической науке были попытки рассмотрения всего спектра законодательных и общественных норм, а также практики их применения, совокупности научных знаний об уголовной ответственности через призму контроля. Например, Г. Кайзер предлагал использовать как равнозначные понятия «уголовно-правовой социальный контроль» и «контроль над преступностью»². Действительно, контроль образует социальную сущность уголовно-правового регулирования и определяет его содержательный аспект. Именно по этой причине уголовное и уголовно-исполнительное законодательство предусматривают множество видов контроля: контроль за поведением условно осужденных (ст. 73–74 УК РФ), контроль за условно-досрочно освобожденными (ст. 79 УК РФ), контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено (ст. 82–82.1 УК РФ), контроль специализированного органа за поведением несовершеннолетних (ст. 91 УК РФ), контроль за применением принудительных мер медицинского характера (ст. 102 УК РФ), контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания (ст. 19–25 УИК РФ), контроль за осужденными, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от обще-

ства, контроль за осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, административный надзор за освобожденными из мест лишения свободы (ст. 173.1 УИК РФ) и т. д.

Контроль в отношении отбывавших лишение свободы (постпенитенциарный контроль) – одна из разновидностей уголовно-правового социального контроля. Понятие «постпенитенциарный контроль» в отечественной юридической науке стало использоваться только с начала 1990-х гг., вследствие чего его содержание до настоящего времени определяется неоднозначно и во многом зависит от авторского понимания семантического объема термина. Так, О. В. Филимонов для обозначения данного вида контроля использовал понятие «постпенитенциарный надзор», сужая его смысл до полицейского надзора³. С. А. Клипов ограничивает постпенитенциарный контроль только одной из его форм – наблюдением за поведением лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с целью их исправления, предупреждения с их стороны новых преступлений и оказания на них необходимого воспитательного воздействия⁴. А. И. Абатуров под постпенитенциарным контролем понимает исключительно административный надзор за освобожденными из мест лишения свободы, определяя его как систему осуществляемых органами внутренних дел мер надзора и контроля за поведением лиц определенной категории, освобожденных из мест лишения свободы, применяемых в интересах общей и

частной превенции преступлений⁵. Отождествление понятий «постпенитенциарный контроль» и «административный (полицейский) надзор за освобожденными из мест лишения свободы» представляется нам не соответствующим назначению и природе этого вида социального контроля, а также значению слова «постпенитенциарный».

Автором термина «постпенитенциарный» является юрист и общественный деятель Роулифф Бринкерхофф, написавший в 1883 г. книгу «Постпенитенциарное обращение с преступниками»⁶. В английском языке понятие «post penitentiary» не нашло широкого употребления и со временем было заменено более удобной формулировкой «post prison», то есть «послетюремный»⁷. В российской юридической литературе к термину «постпенитенциарный» одним из первых обратился В. И. Горобцов, уравнивавший понятия «постпенитенциарный» и «постисправительный»⁸. Такой подход представляется нам не совсем корректным, ведь исправление провозглашается целью каждого уголовного наказания, а не только лишения свободы. Кроме того, слово «постисправительный» вряд ли применимо к характеристике случаев досрочного освобождения от отбывания наказания, поскольку полное достижение цели исправления при данном виде освобождения предполагается в течение не отбытой части наказания, как это предусмотрено, например, ч. 4 ст. 82 УК РФ. Хотя стремление русифицировать понятие

«постпенитенциарный» вполне понятно, тем не менее, думается, что в русском языке не следует искать емкого синонима для слова «постпенитенциарный», поскольку именно оно наиболее адекватно отражает в содержательном аспекте связь со всеми категориями осужденных, отбывавших наказания в исправительных учреждениях всех типов. Ю. М. Ткачевский критикует использование термина «пенитенциарный» в качестве родового названия для всех мест лишения свободы (тюрем, исправительных и воспитательных колоний, лечебно-исправительных учреждений), объясняя это тем, что «пенитенциарии» – особые исправительные учреждения, существовавшие в США и не свойственные российской системе исполнения наказаний⁹. Н. А. Стручков, напротив, справедливо полагал, что слово «пенитенциарный» вследствие исторической трансформации его смысла стало полным аналогом русского слова «исправительный», таким образом, наименования «исправительное учреждение» и «пенитенциарное учреждение» равнозначны¹⁰. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что употребление понятия «пенитенциарный», как и производное от него – «постпенитенциарный», вполне соответствует российской правовой традиции¹¹. Слово «постпенитенциарный», таким образом, буквально должно пониматься как «после освобождения из исправительного учреждения», следовательно, в объем понятия «постпенитенциарный контроль» входят все случаи

установления контроля после освобождения из мест лишения свободы.

Определение объема понятия «постпенитенциарный контроль» должно осуществляться также на основе синтеза сущностных признаков, характеризующих предмет, цель, время и сферу осуществления контроля. Предмет постпенитенциарного контроля – поведение лица, освободившегося из мест лишения свободы. Цель контроля определяет его методы и закладывает основу взаимодействия контролирующего с подконтрольным. Главная цель постпенитенциарного контроля имеет выраженное социально-правовое назначение и заключается в удержании освободившихся из пенитенциарных учреждений от совершения новых преступлений. В этом отличие постпенитенциарного контроля от контроля, например, за условно осужденными. Для различия контроля за условно осужденными и контроля за условно-досрочно освобожденными А. Я. Гришко называет первый из них допенитенциарным¹². Хотя одной из целей такого контроля также является частная превенция, она не обусловлена предшествующим его установлению пребыванием данного лица в исправительном учреждении. Контроль за отбывающими реальное лишение свободы (пенитенциарный контроль) также имеет превентивную цель, но связанную с необходимостью пресечь возможность совершения осужденным побега, пенитенциарных преступлений, нарушения режима отбывания наказания и т. д. Для установления специфики

того или иного вида социального контроля большое значение имеет период его осуществления. Анализируемый вид контроля, как это следует из самого слова «постпенитенциарный», осуществляется только после освобождения из мест лишения свободы вне зависимости от основания освобождения из исправительных и воспитательных колоний, тюрем, лечебно-исправительных учреждений. Этим же определяется сфера осуществления данного вида социального контроля.

Специфическая социально-правовая цель постпенитенциарного контроля дает основание для его отграничения от других видов социального контроля, неминуемо сопровождающих освобождение осужденного из мест лишения свободы. Например, сообщение бдительного гражданина в правоохранительные органы о нарушении, совершенном условно-досрочно освобожденным лицом, безусловно является формой осуществления человеком социального контроля. Но будет ли такой контроль постпенитенциарным? Безусловно, нет. Помимо предмета, цели, периода осуществления и круга субъектов, постпенитенциарный контроль отличается тем, что он, будучи предусмотренным законом, является формализованным¹³ явлением, то есть подчиненным определенным в нормативных актах правилам. Неформальный социальный контроль сопровождает постпенитенциарный и нередко способствует его осуществлению. Тем не менее, есть основания для их разграничения. Постпенитенци-

арный контроль – разновидность социального контроля, поэтому их полное отождествление¹⁴ размывает содержание и специфику социально-правового контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Как уже указывалось, постпенитенциарный контроль имеет особую цель – реализация специальной превенции, сопровождаемая ограничением некоторых прав. Такая цель обуславливает то, что данный вид контроля институционализируется в виде предусмотренных законом мер, устанавливаемых в особом порядке в строгом соответствии с законом.

Неформальный социальный контроль, как правило, обеспечивает выполнение хотя и схожих целей, но обычно связанных со стремлением общества отделить от себя потенциально опасных лиц¹⁵. Данная разновидность социального контроля потому и не может быть выражена в форме отдельных мер, методов, способов, является стихийной и неорганизованной. Урегулировать, например, семейный, родственник или дружеский социальный контроль невозможно и нецелесообразно. Неформальный социальный контроль за отбывшими уголовные наказания, следовательно, не может быть признан постпенитенциарным контролем, даже если он осуществляется в отношении имеющих судимость лиц. Формализованность постпенитенциарного контроля предопределяет необходимость его персонификации, то есть очерчивания круга индивидуальных субъектов.

Таким образом, под постпенитенциарным контролем мы

понимаем формализованный социально-правовой персонифицированный контроль, осуществляемый уполномоченными субъектами в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, заключающийся в применении системы мер, направленных на предотвращение возможности совершения контролируемым лицом новых преступлений.

Идея постпенитенциарного контроля в основном разрабатывалась на протяжении последнего столетия, однако зародилась она еще в античный период. Платон предлагал создать специальные учреждения – софронистерии – для изоляции от общества опасных граждан, поведение которых тем не менее свидетельствует о возможности «спасения души»¹⁶. Концепция софронистерия стала попыткой институционализации естественного общественного стремления к изоляции девиантных субъектов и явилась прообразом некоторых применяемых до настоящего времени мер постпенитенциарного контроля. Существование постпенитенциарного контроля в современном его виде обуславливается не только приведенной предрасположенностью человека к созданию систем общественного управления и контроля, но и рядом специфических социальных, правовых, психологических и исторических обстоятельств. Их значение для изучения постпенитенциарного контроля велико, так как они не только определяют генезис данного вида социально-правовой деятельности, но и формируют вектор его развития.

Основным фактором, обуславливающим необходимость существования постпенитенциарного контроля, является широкое применение наказания в виде лишения свободы. Связь этого вида контроля с лишением свободы более чем очевидна и не требует дополнительных пояснений. Несмотря на определенные шаги по развитию альтернативных санкций, не связанных с изоляцией от общества, российская уголовно-правовая система по-прежнему ставит в центр внимания именно это наказание. Главенствующая роль лишения свободы отмечается не только в России, однако в нашей стране активное назначение данного вида наказания наложилось на существенное устаревание системы учреждений и органов, его исполняющих. К сожалению, несмотря на значительное количество разного рода реформаторских инициатив современная российская уголовно-исполнительная система – прямая наследница созданной в 1920–30-х гг. советской исправительно-трудовой системы. Идеологической основой последней было соединение труда, перевоспитания и исправления¹⁷. Действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство России при принципиальном сохранении самой системы учреждений отказалось от цели перевоспитания осужденного, а труд фактически утратил свое значение на фоне экономических преобразований. Следствием этого стало отсутствие как таковой базовой основы (идеи) функционирования всей пенитенциарной системы, превратившейся исключительно в место изо-

ляции осужденных от общества. Кроме того, лишение свободы как наиболее строгое из применяемых в отечественной практике наказаний переоценивается и рассматривается во многом в качестве «последней возможности» повлиять на преступность. Как от крайней меры от данного вида наказания ожидают большой эффективности. Отсюда и стремление законодателя следовать простой, но иррациональной формуле ответственности: повышение сроков лишения свободы является средством борьбы с преступностью. Наблюдаемые в последнее десятилетие существенные шаги в направлении уменьшения общего числа осужденных к лишению свободы, думается, во многом объяснимы не стремлением коренным образом изменить систему, а желанием разгрузить переполненные исправительные учреждения. В частности, применение субтюремных мер контроля (условно-досрочное освобождение, освобождение с предоставлением отсрочек) – один из путей сокращения численности находящихся в пенитенциарных учреждениях осужденных. Вместе с тем такая тенденция привела к резкому повышению доли опасных и более склонных к повторяющемуся преступному и антиобщественному поведению преступников, что качественно меняет характеристику отбывающих лишение свободы и повышает степень общественной опасности повторных преступлений. В этой связи организация контроля в отношении данных лиц – очень актуальная проблема.

Само лишение свободы также детерминирует остроту

проблемы, заключая в себе внутреннее противоречие, известное как «парадокс тюрьмы». Этот феномен проявляется двояко: для одних осужденных отбывание лишения свободы становится «шоковой терапией» и действительно заставляет пересмотреть взгляды на жизнь, ценностные установки; на других же оказывает прямо противоположный эффект, способствуя повышению градуса антиобщественного поведения осужденного. В ряде случаев отмечается, что места лишения свободы становятся «школами преступлений», в которых осужденные, находясь в условиях изоляции от общества, невольно, а иногда и целенаправленно обучаются у более опытных «коллег» преступным навыкам, традициям антиобщественного поведения¹⁸. Особенно это актуально для осужденных впервые и направленных для отбывания наказания в воспитательные колонии. По данным В. А. Авдеева, из числа несовершеннолетних на момент совершения преступления лишь каждый пятый обладал определенным антиобщественным опытом, тогда как после отбывания наказания в воспитательной колонии примерно 80 % осужденных становятся носителями асоциальных взглядов¹⁹.

А. П. Детков отмечает, что «места лишения свободы как социальная среда диалектически противоречива по своей природе. Будучи необходимым и позитивным инструментом регулирования общественных отношений и выполняя функции общей и частной превенции, уголовное наказание в виде лишения свободы при его исполнении способно порожд-

дать у осужденных определенные негативные последствия социально-психологического и психиатрического ряда»²⁰. Г. Ф. Хохряков, проанализировав на обширном социологическом материале воздействие исправительного учреждения на осужденного, пришел к выводу, что отбывающим лишение свободы присущи перманентные состояния страха, опасения, тревоги, которые сопровождаются подозрительностью, беспокойством, возбудимостью, раздражительностью, подавленностью, недоверчивостью, пассивностью в принятии решений²¹. Следствием такого постоянного тяжелого психического состояния является его переход в разряд необратимых изменений психики. По данным НИИ ФСИН, доля осужденных к лишению свободы мужчин с психическими расстройствами поведения составила 10,5 % от общего количества осужденных²², тогда как общее число лиц с психическими расстройствами по стране по данным 2013–2014 гг. не превышает 4,6 %²³.

Сфера проявления негативных последствий не ограничивается только социально-психологической, но также заметно отражается в социокультурной области в виде специфической «тюремной» субкультуры. Как справедливо отмечает В. М. Анисимков, «объективно наивысшая десоциализация личности правонарушителя предопределяется сроком его пребывания в своеобразном, отверженном состоянии и степенью самоизоляции..., то есть делинквентная подкуль-

тура интенсивно развивается и поддерживается, как правило, в низших слоях общества и в среде осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях»²⁴. Такое явление в европейской и американской пенологии получило название «призони́зация». Данный термин был введен в научный оборот Дональдом Клеммером для обозначения естественного ассимиляционного процесса, происходящего в тюрьмах, вследствие которого осужденные перенимают в большей или меньшей степени манеры, традиции, обычаи и общую культуру тюрьмы²⁵. В дальнейшем словом «призони́зация» стали обозначать все негативные социально-психологические последствия пребывания осужденного в условиях изоляции от общества²⁶.

Социальные последствия лишения свободы могут проявляться не только в форме призони́зации, но также являться результатом отторжения обществом освободившегося из мест лишения свободы. А. М. Яковлев еще в 1964 г. писал, что освободившийся из мест лишения свободы «может встретить недоверчивое, настороженное, а иногда и резко отрицательное отношение со стороны окружающих»²⁷. Такое отношение, имеющее место и в настоящее время, вполне объяснимо и связано с моральным осуждением совершившего преступления, стремлением оградить себя от возможных рецидивных преступлений и других неблагоприятных факторов. «Но, если такое отношение продолжается бесконечно

долго, вопреки доказанному исправлению осужденного, оно перерастает в несправедливость, может озлобить освобожденного и содействовать рецидиву с его стороны»²⁸. Осужденный может возвратиться к нормальной жизни в обществе только посредством социальной адаптации. Непринятие соответствующих мер по социальной адаптации неизбежно приводит к тому, что освободившийся становится изгоем и стремится вернуться в ставшую привычной криминальную среду. Эта обратная сторона лишения свободы российским законодательством полностью игнорируется.

Б. Н. Алмазов, исследуя маргинализацию человека, обращает внимание на то, что «в этой среде (в среде уголовной субкультуры. – Д. С.) отличительным признаком выступает не враждебность к обществу, а равнодушие к тому, чем оно живет²⁹». Он также отмечает, что ««блатные» не прилагают каких-то специальных усилий для привлечения в свои ряды новичков, а тем более для их воспитания», люди с комплексом изгоя «сами липнут к носителям «правильного закона», а если таковых нет, то по наитию создают подобную социальную конструкцию, а затем уже совершенствуются в условиях «зоны», попасть в которую не особо-то и боятся, а по возвращении оттуда (обретении свободы) еще долго адаптируются к «оковам просвещения»»³⁰. Таким образом, задача социального контроля заключается не только в необходимости обезопасить общество от повторных преступлений, но и ока-

зать помощь как в бытовом и трудовом устройстве, так и в преодолении барьера, неизбежно возникающего вследствие отбывания зачастую длительных сроков лишения свободы.

Ежегодно в России освобождается из мест лишения свободы около 250000 человек, из них около 100000 – условно-досрочно³¹. Может ли общество навешивать ярлык изгоя на все возрастающее количество людей, совершавших преступления и отбывавших наказание? Как уже было показано, такое отделение нарушивших уголовные запреты членов общества будет приводить к количественному их нарастанию и качественным изменениям внутри группы изгоев. Для небольшой группы людей изгнание нарушающего социальный запрет – вполне обычная форма реакции на такое поведение. Непринятие бывших осужденных обществом или группами людей изжить сложно или даже практически невозможно. П. А. Сорокин писал, что «в ответ на акты запрещенные мы реагируем в форме переживаний и актов вражды, недружелюбия и ненависти по адресу его субъекта; в нас самопроизвольно возникает желание отпарировать его незаконное нарушение и отомстить ему за его попытку»³². Такое неприятие для бывшего осужденного конкретизируется в следующих формах: 1) значительные затруднения в восстановлении социальных связей; 2) сложности при трудоустройстве; 3) атмосфера недоверия, настороженности, а иногда и враждебности; 4) ощущение своего более низкого социального статуса, неравенства с другими членами общества. Датский ис-

следователь Торстен Колинд пришел к выводу, что возвращение бывшего осужденного, стремящегося к нормальной, законопослушной жизни, подчиняется социальным правилам «обусловленного принятия»: бывшие осужденные должны показать свою готовность к такой жизни³³. При этом «социальный механизм контроля, встроенный в «обусловленное принятие», также содержит скрытую угрозу отторжения изгнания из «нормального общества»»³⁴. Осужденный, вынужденный каждым действием доказывать свое исправление, находится в затруднительном положении. Другой стороной «обусловленного принятия» является то, что к бывшему осужденному предъявляются заведомо завышенные требования в части правопослушного поведения, отношения к исполнению социальных обязанностей и т. д. Малейший промах, ошибка человека будут восприняты обусловленно принявшими данного человека как отражение криминального прошлого.

Приведенные формы реакции общества на возвращение бывшего осужденного (от полного непринятия до обусловленного принятия) делают невозможной самостоятельную социальную адаптацию этого человека. Без помощи со стороны государства, местного самоуправления, общественных объединений возвращение освобожденного из мест лишения свободы проблематично. Такое содействие целесообразно осуществлять в рамках постпенитенциарного контроля. В ряде случаев государство следует социальной тенденции от-

торжения бывших осужденных, что формирует особые пути контроля, это можно увидеть на примере англо-саксонских стран. Противоречие между стремлением общества отделить от себя совершивших преступления и важностью процесса возврата бывших осужденных к нормальной жизни, думается, будет долгое время определять систему постпенитенциарного контроля не только в России, но и в других странах.

Непрекращающийся рост постпенитенциарного рецидива, также обуславливающий необходимость создания и развития постпенитенциарного контроля, тесно связан с приведенными выше факторами и отчасти является их главным следствием. А. П. Детков, анализируя показатели эффективности государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, пришел к обоснованному выводу, что «есть основания говорить о кризисе уголовного наказания как основного способа борьбы с рецидивной преступностью, явно недостаточной эффективности специальной превенции»³⁵. Главным негативным последствием нереализованности цели превенции в отношении осужденных является рецидив. Постпенитенциарный рецидив чрезвычайно опасен. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев он связан с тем, что ранее отбывавший лишение свободы осужденный теряет страх перед данным видом наказания, исправительная колония становится для него привычной, знакомой средой, а коллектив осужденных – естественным социальным окружением. Следствием этого является утрата вос-

приятия лишения свободы как строгого наказания, превентивное начало данной санкции теряет свое значение, если не полностью, то в значительной степени. Во-вторых, социальные и криминальные связи, приобретенные за время отбывания наказания, сохраняются и после освобождения из мест лишения свободы, что опять же способствует совершению данным лицом новых преступлений.

Уровень постпенитенциарного рецидива является одним из наиболее адекватных показателей эффективности применяемых санкций. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным М. Д. Шаргородским: «Для того чтобы рецидив мог служить критерием эффективности наказания, учитывать его следует иначе, чем это делаем в большинстве случаев. Процент рецидивистов среди всех осужденных имеет значение и необходим при понимании структуры преступности. . . , но он малопоказателен для общего анализа эффективности наказания»³⁶. Таким образом, для оценки распространенности постпенитенциарного рецидива недостаточно одних лишь статистических данных, тем более, что они не содержат отдельного учета в разрезе данного вида рецидивных преступлений. Между тем цифры официальных данных МВД однозначно свидетельствуют о росте количества повторных преступлений, что является внешним фактором, обуславливающим необходимость принятия дополнительных мер противодействия рецидивной преступности. Данные за 2002–2014 гг.³⁷ демонстрируют непрекращающийся рост удельно-

го веса ранее судимых среди общего количества выявленных лиц, совершивших преступления. В 2002 г. таких лиц было 20,8 %, в 2008 г. 23,8 %, а в 2014 г. 30,7 %. Другой статистический показатель – удельный вес ранее совершавших преступления среди общего количества лиц, расследование преступлений в отношении которых окончено, – дает еще более впечатляющий показатель роста: 2003 г. 27,7 %, 2008 г. 30,4 %, 2011 г. 40,7 %, 2013 г. 49,4 %, в 2014 г. 53,7 %. Данные ФСИН показывают другую закономерность. При общем сокращении числа осужденных впервые (с 356334 чел. в 2002 г. до 201101 чел. в 2014 г.) и во второй раз (с 204079 чел. в 2002 г. до 142172 чел. в 2014 г.)³⁸, наблюдается резкий рост осужденных три и более раз – со 125729 чел. в 2004 г. до 207860 чел. в 2014 г.³⁹

Одни статистические данные не позволяют сделать обоснованный вывод о реальном уровне постпенитенциарного рецидива, в особенности при его исследовании в зависимости от вида совершенного преступления; вида исправительного учреждения, где отбывалось предыдущее наказание в виде лишения свободы, времени, в течение которого было совершено следующее преступление. Более того в Российской Федерации сегодня не существует специальной системы учета рецидивных преступлений, в том числе и постпенитенциарных. В. В. Городнянская приводит следующие данные об общем уровне рецидива (в течение трех лет после освобождения): при освобождении из исправительных коло-

ний общего режима – 55 %, при освобождении из исправительных колоний строгого режима – 29,6 %⁴⁰.

В целях изучения характеристик постпенитенциарного рецидива автором в 2012–2014 гг. было проведено обобщение данных личных дел осужденных, в отношении которых судом установлен рецидив, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях строгого (400 чел.) и общего режима (200 чел.), расположенных на территории Алтайского края и Свердловской области. В рамках исследования сопоставлялась информация обо всех предыдущих и текущей судимостях. Информация о предыдущих судимостях собиралась из материалов личного дела, а при их недостаточности – через запрос данных ИЦ УМВД. Специфика примененной методики не позволяет сделать вывод об уровне распространения рецидива, так как в расчет брались дела только ранее судимых лиц (т. е. уровень постпенитенциарного рецидива среди них составлял 100 %). Однако по результатам проведенной работы было выявлено, что уровень рецидива среди освобожденных из исправительных колоний общего режима значительно выше (58 %), чем аналогичный показатель среди освободившихся из исправительных колоний строгого режима (27,3 %) ⁴¹. Большой интерес представляют сведения о специальном рецидиве. Наиболее рецидивоопасные преступления – корыстные. Так, по кражам общий уровень специального рецидива составляет 64,5 %, по грабежу – 71,2 %, по разбою – 69 %. По поло-

вым преступлениям против несовершеннолетних – 18 %, по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, – 44 %. По другим видам преступных деяний уровень специального рецидива относительно невысок.

Отдельно анализировался период времени, в течение которого совершалось новое преступление после освобождения. В большинстве случаев (64 %) новое преступление имело место в течение 18 месяцев после освобождения. По корыстным преступлениям большинство преступлений (72 %) было совершено в течение первых 9 месяцев после освобождения. Приведенные данные исследования по личным делам осужденных, отбывающих наказание на территории Свердловской области, в целом соотносятся с результатами, полученными другими авторами по материалам иных регионов и на основании собственных методов проведения (В. В. Городнянская⁴² и Е. А. Тохова⁴³). Это обстоятельство позволяет с большой вероятностью оценить показатели постпенитенциарного рецидива как достоверно отражающие уровень реального распространения данного явления и его основные характеристики.

Повторные преступления совершаются не только после отбытия полного срока назначенного судом наказания, но и в течение не отбытой части наказания при досрочном освобождении. По данным восьмой специальной переписи осужденных к лишению свободы в Российской Федерации (2009),

3,6 %⁴⁴ от общего числа осужденных мужчин, отбывающих данный вид наказания, осуждены за совершение преступления в течение не отбытой части наказания при условно-досрочном освобождении. С учетом того, что условно-досрочно освобождаются ежегодно порядка 12–20 % всех осужденных, уровень рецидива среди данной категории освобожденных чрезвычайно высок. Если оценить общее количество лиц, ранее условно-досрочно освобождавшихся от отбывания лишения свободы, среди отбывающих данный вид наказания, то показатель будет еще выше. Так, среди осужденных женщин, таких лиц будет 12 %, а среди осужденных мужчин – 20,2 %⁴⁵.

По информации Л. В. Чуприной, около 50 % всех освобожденных условно-досрочно вновь совершают новые преступления, при этом в течение испытательного срока – около половины от всех совершивших⁴⁶. При условно-досрочном освобождении из колонии общего режима рецидив составляет 46 %, из колонии строгого режима – 51 % (среди условно-досрочно освобожденных, осужденных за особо тяжкое преступление и не отбывавших ранее лишение свободы – 17,4 %); при этом повышенной рецидивоопасностью при условно-досрочном освобождении отличаются ненасильственные тайные корыстные имущественные преступления (показатель рецидива составил 59 % при условно-досрочном освобождении из исправительных колоний

общего режима, 69,7 % – строгого режима), и насильственные открытые корыстные имущественные преступления (рецидив – 53,6 % при условно-досрочном освобождении из исправительных колоний общего режима, 58,7 % – строгого режима).

Если отбросить негативный фактор наследия ГУЛАГа, с аналогичными проблемами сталкивается абсолютное большинство развитых стран, так же, как и Россия, широко применяющих лишение свободы. Ученые-криминологи обращают внимание на возрастающую год от года проблему падения эффективности уголовной санкции. Например, китайский криминолог Хэ Бинсун на IV сессии международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации» (2012 г.) отметил, что «теории уголовного наказания формировались и развивались в рамках исторического процесса и являются продуктом соответствующей исторической эпохи. Несмотря на то, что традиционные теории наказания (включая абсолютные теории наказания, относительные теории наказания и синтетические теории наказания) являлись продуктами прошлого и играли роль в стимулировании и историческом развитии теорий уголовного наказания, вместе с вхождением человечества в новую историческую эпоху, так называемую эпоху глобализации, они будут постепенно исчезать и в конечном счете изживут себя»⁴⁷.

Определенное разочарование в существующей системе наказаний привело к поиску обоснованных эмпирическими

данными новых средств, методов, путей и программ. Емкой характеристикой их результатов стала фраза американского исследователя Роберта Мартинсона: «Ничего не работает»⁴⁸. Обществом были испробованы все возможные программы исправления, обращения, «лечения» в отношении преступников, но уровень рецидива тем не менее оставался без изменений. «С некоторыми отдельными исключениями, все реабилитационные попытки не дали никакого ощутимого влияния на уровень рецидива»⁴⁹. Следствием доктрины «ничто не работает» стали призывы возврата контроля в его разных ипостасях в центр уголовной ответственности. Эти идеи эволюционировали в концепцию усиления частной превенции, которая была положена в основу реформирования пенитенциарных систем многих стран мира. Концепция предполагает уменьшение объема возмездия и увеличение контрольной составляющей. С одной стороны, усиление контроля свидетельствует о неспособности исправить преступника, стремлении путем внешних ограничений, угроз и запретов лишить такого человека самой возможности совершения преступления, тогда как внутренние побуждения человека, его нравственная основа останутся без изменения. В определенной степени такой подход основывается на доктрине «неисправимого преступника». П. В. Тепляшин, рассматривая возрастание роли контроля в системе исполнения наказаний, отмечает, что «для уголовной юстиции второй половины XX столетия оказалось очевидным,

что многие преступники не поддаются ни нравственному, ни юридическому исправлению»⁵⁰. Согласно этой доктрине, к такому преступнику бессмысленно применять меры исправительного воздействия, которые не будут иметь никакого эффекта. С другой стороны, контроль имеет в сравнении с исправлением более реалистичную и достижимую цель: если мы не можем воздействовать на систему ценностей преступника, то должны остановить его путем увеличения контроля за его деятельностью. И. В. Шмаров разделял социальный контроль, осуществляемый в сфере профилактики правонарушений, на два вида: превентивный социальный контроль в отношении лиц, поведение которых может свидетельствовать об их повышенной общественной опасности, и последующий социальный контроль в форме реакции на неправомерное поведение⁵¹. Соглашаясь с приведенным мнением, отметим, что указанные два вида социального контроля в сфере профилактики правонарушений имеют различную природу. Превентивный контроль лишен репрессивности, то есть он направлен на недопущение отклонений, предполагает определенную трансформацию личности («контроль-помощь»), тогда как последующий контроль имеет выраженный характер возмездия за совершенное деяние («контроль-возмездие»). «Контроль-помощь» приближается по своему восприятию к наиболее действенным в обществе формам контроля – домашнее, религиозное, дружеское наставление. Исследования, проведенные в американ-

ской и европейской пенитенциарной науке еще в 1970-е гг., доказали, что усиление такого контроля⁵² обычно приводит к положительным результатам⁵³. Без излишней репрессии контроль должен формировать систему мер удержания, достаточных для внешнего воздействия на поведение человека. Таким образом, возвращение контроля в разных формах в условиях «усталости» лишения свободы кажется для многих ученых и практиков панацеей, что повышает градус интереса к теме постпенитенциарного контроля. Усиление контроля, сопровождаемое сохранением исправления (как средства достижения частной превенции) и оказанием осужденному социальной помощи, позволит сформировать действенный механизм, позволяющий сделать более эффективной частную превенцию в российской правовой системе. При этом достижение цели частной превенции будет переноситься не только на пенитенциарный, но и на постпенитенциарный этап. Данное обстоятельство делает постпенитенциарный контроль, обусловленный приведенными выше тремя факторами, не только важным, но и одним из главных звеньев противодействия преступности. Хотя постпенитенциарный контроль в своем современном виде существует сравнительно небольшой исторический промежуток, а его непосредственная история связана с развитием тюрем и других учреждений изоляции от общества, сама идея контроля за отдельными лицами возникла в очень древнее время, что существенно отразилось на формировании института пост-

пенитенциарного контроля.

§ 2. История развития института постпенитенциарного контроля в российском праве

Становление постпенитенциарного контроля тесно связано с эволюцией наказания в виде лишения свободы. До начала XVIII века тюрьма была преимущественно местом заточения, и ее задачей было лишь изолировать осужденного. С развитием идеи о нравственном наставлении, перевоспитании и исправлении осужденного в тюрьме лишение свободы стало наполняться качественно иным содержанием. Но позитивные ожидания первого реформирования лишения свободы не оправдались в полном объеме. Иеремия Бентам обратил внимание на то, что тюрьма может иметь и «обратную сторону», становясь рассадником злодеяния, своеобразной школой обучения преступной морали и низложения всякой добродетели⁵⁴. Рецидивы преступлений среди освобождавшихся из мест лишения свободы обусловили необходимость наблюдения за отбывшими наказание. Такое наблюдение и стало первой формой собственно постпенитенциарного контроля.

О. В. Филимонов связывал историю возникновения постпенитенциарного контроля также с развитием испытательной системы ссылки⁵⁵, которая заключалась в освобождении

от наказания осужденного к каторжным работам или лишению свободы с определением его места жительства в местности, преимущественно малолюдной, для создания поселений по типу колоний (например, освоение британцами Австралии⁵⁶, Россией – Сибири и Дальнего Востока). Однако глубинные корни генезиса постпенитенциарного контроля кроются в присущем человеческому обществу стремлении выделить, обозначить или изолировать нарушителя социальной нормы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.